

НАУЧИТЕ
МЕНЯ
ЛЕТАТЬ

ШОЛГА
ЕРСТОБИТОВА

RUGRAM

МОСКВА
2022

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Ш50

Шерстобитова, О.

Ш50 Научите меня летать/ О. Шерстобитова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 466 с.

ISBN 978-5-517-08985-4

О темных магах, сильных и опасных, ходит немало зловещих историй. Но разве думаешь об этом, спасая ночью в зимнем лесу раненого мужчину? Я не могла и представить, чем все для меня обернется.

А теперь знаю точно: страшные сказки лгут!

Один его взгляд обжигает сердце, каждое прикосновение — нежнее шелка. И с этим мужчиной не страшно пройти и по краю пропасти, ведь уверена — не отпустит и защитит.

Только как быть, если у него тайн больше, чем можно представить, а враги — коварны и безжалостны?

Лишь верить, что любовь окажется сильнее, подарит крылья и согреть своим огнем.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус) В1С FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-08985-4

© Шерстобитова О., 2022
© Сова Е., художница разворота, 2022
© Велейская А., оформление
и титульные листы, 2022
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Мои читатели!

С пожеланиями
тепла в самой
холодной вечер
и огромной любви!

Шер

ГЛАВА 1

Риана

Прогулка в зимний лес ночью за хворостом — что может быть ужаснее этого наказания? Многое. Но от осознания этого легче не становится. Когда ты сирота, не имеющая ни кола ни двора, и зависишь от тех, кто тебя приютил, пусть и не бескорыстно, выбирать не приходится.

Я потерла руки в тонких рукавицах, безуспешно попыталась их согреть. Луна спряталась за мохнатыми серыми тучами в самый неподходящий момент, и темнота липкой паутиной окутала со всех сторон. Мне чудилось, что за каждым сугробом притаилось чудище. Корявые ветки тянулись, словно чьи-то скрюченные пальцы, которые вот-вот схватят и причинят боль. Коленки от этих мыслей слабели. Спрятаться бы, сбежать. Нельзя. Не наберу хвороста — сразу же окажусь на улице. И не одна. У меня еще Орас есть, о нем нужно заботиться. А трактир Барисы — единственный возможный для нас приют.

Я прикрыла глаза и постаралась успокоиться. Нужно гнать от себя мысли-страшилки, которые упорно лезут в голову. Наклонилась и подобрала несколько веток. Отряхнула от снега, напоминающего манную крупу, сунула в холщовый мешок, испуганно оглянулась.

Чернеющие стволы деревьев и снег, оседающий на ветках. Ничего и никого кругом. Тишина, которая пугала больше, чем обычные шорохи леса в любое время. Хоть бы ветер пробежался дыханием среди голых ветвей! Или какая-нибудь птица вспорхнула в глубине деревьев. Я была бы согласна даже на жуткий вой волков в непроходимой чаще. Пустые надежды.

Когда не двигаешься, то холод сильнее сжимает в объятиях. Если бы не он, засомневалась бы, что в лесу нахожусь. Темно, тихо и страшно, как в глубокой яме. Я однажды провалилась в такую. И вспоминать не хочется, как тогда перепугалась. На память остался шрам на лодыжке.

Я вздохнула и снова принялась за дело, поминая недобрым словом Гженку — дочь трактирщика. Темноволосая, кареглазая, крепкая, к тому же с богатым приданым, она считалась завидной невестой. Если бы не мстительный злобный характер. Это благодаря ей я оказалась в лесу. Началось-то все банально. Я, скрючившись в три погибели, мыла полы возле трактирной стойки. Гженка «случайно» дважды опрокинула ведро с грязной водой мне на ноги. Захмелевшие посетители стали смеяться над неумехой-поломойкой. Гженка ядовито улыбалась, позволяя красавцу-купцу Миразу, своему жениху, целовать ей ручки.

В третий раз поиздеваться решил Мираз. Только вода пролилась почему-то на Гженку. Случайно, разумеется. Что дальше? Визг, ругань и громадный силуэт Барисы — жены трактирщика надо мной. Она заправляла здесь всем, отодвинув в сторону тихоню-мужа. Я не раз слышала историю о том, что трактир достался Барисе в наследство от бабки по материнской линии — властной сварливой старухи. Карла с внучки потребовала взамен одного — выйти замуж. Выбор Барисы пал на Санора — шестого по старшинству в крестьянской семье. Бедный, как церковная мышь, привыкший к тому, что братья им помыкали, Санор не смел ни в чем перечить жене.

Я суетливо вытирала тряпкой расплескавшуюся воду. Объяснять, что я ни при чем, даже не пыталась. Все равно не поверят. Да и нет у меня такого права — оправдываться.

Дородная Бариса, затащив меня наверх в свою комнату, ругалась долго и со вкусом. В красках расписала неблагодарность за проявленные по отношению ко мне доброту и сострадание. Когда словесный поток иссяк, я сжалась, зная, что за ним последует. Удар. А потом еще один. И еще один.

Лишь бы не закричать и не сдвинуться с места. Иначе только хуже сделаю.

Просто терпеть.

Почему? У меня нет выбора. Пять лет назад в Олений Рог — деревеньку, где я жила, — пришла чума. Родители сгорели меньше чем за неделю, оставив меня, двенадцатилетнюю девочку, и моего годовалого брата Ораса одних. Почему мы с ним остались в живых — не знаю. Тогда полдеревни выкосило, прежде чем подросли маги-целители. А в ночь накануне их приезда случился пожар. И к моему горю добавилось еще одно: мы с братом лишились дома. Помню, как в одной белоснежной рубашке прижимала к себе испуганного мальчишку. Стояла и бесильно смотрела на желтые языки пламени, лижущие деревянные балки и крепления. Тогда я старалась не думать о том, чего лишилась за последние сутки. Страшнее смерти родителей и этого пожара было только одно: похоронить отца и мать, ушедших за грань вечером, я не успела. Мне в утешение не осталось даже могилы, чтобы было где хоть иногда поплакаться.

А синяки да ссадины... Только бы Ораса не трогали — он еще совсем ребенок. Бариса, правда, рассвирепела больше не от пролитой воды, а от того, что от Гженки очередной потенциальный жених мог сбежать. Два предыдущих встречались с ней, а свататься пошли ко мне.

И вспоминать не хочется, чем закончилось то сватовство. Неделью в горячке лежала, а на спине остались шрамы. Мне эти женихи были не нужны. Да и ни один из них ни разу не подошел даже поздороваться. Барису это тогда не смутило. Я попыталась напомнить, что до восемнадцати лет на каждой девушке лежит заветное неприятие прикосновения. Если, конечно, та замуж не выйдет и добровольно от защиты не откажется. Куда там... Меня и это от расправы не спасло. Что может случиться со мной через год, когда исполнится восемнадцать, я старалась не думать. Было не просто страшно, а очень-очень-очень страшно.

Бариса считала, будто я женихов приворожила. Только чем? Внешность у меня обычная для этих мест — светлые во-

лосы и серые глаза. Приданого нет, дом сгорел, на руках младший брат — кого прельщу-то? Но нет же... Бариса была уверена, что я специально крутилась у парней под носом, дабы у ее драгоценной красавицы и умницы Гженки ничего не вышло. Да нужны мне эти женихи, как свету забытое болото! Неужели она не может понять, что нет смысла менять ее побои на побои мужа. Но Бариса — это Бариса. Она всегда права. Во всем. О чем тут говорить?

А Гарин, сын кузнеца, и Кром, сын портного, те самые несостоявшиеся женихи... они, оказывается, просто хотели пошутить. Это я узнала от Гженки спустя неделю, когда пришла в себя. С тех пор неприязнь к мужчинам у меня переросла в слепую ненависть. До сжатых до боли ладоней. И жгучей, давящей внутри пустоты. Те, кто смеет обижать и унижать слабого, зависящего от чужой воли человека, ничего хорошего и не заслуживают.

За проделку Мираза мне пришлось сегодня расплачиваться походом в лес за хворостом. Хотя я его за лето и осень столько натаскала, что до следующей зимы с лихвой хватит. Даже если придут самые лютые морозы и топить придется в два раза больше. Впрочем, зачем об этом сейчас думать? Ничего ведь изменить не могу.

Я ушла в невеселые мысли, и, только сунув очередной ворох веток в вязанку, поняла, что та полна. Значит, можно возвращаться. Закинула мешок на плечи, глубоко вздохнула и замерла. Я оказалась в совершенно незнакомом месте. Со всех сторон черные стволы деревьев. По-прежнему непроглядное небо над головой. Ни единой звезды на нем. Хрустящий снег под ногами. И в какой же стороне опушка, где раскинулся дуб? От него я пошла влево, туда, где всегда можно больше набрать хвороста. Я оглянулась, надеясь обнаружить что-то знакомое. Изгиб замерзшего ручья чуть левее от меня. Впереди заснеженные кусты с горькой рябиной, которой любили лакомиться снегири. Упавший ствол огромной сосны, расколотый молнией прошлым летом, позади.

Ну хоть что-нибудь! Не могла же я заблудиться! И, как на-зло, кругом такая темень — ничего не разберешь. Я почувствовала, что снова начинаю паниковать. Сердце забилося чаще, дыхание сбилось, ноги словно примерзли к снегу.

В отчаянии закусила нижнюю губу. Ничего. Совсем ничего. Куда же я забрела? Хворост надо было собирать, а не в воспоминания проваливаться! Да что толку себя ругать? Нужно выбираться. Если и не ради себя, то ради Ораса. Несколько минут я пыталась что-нибудь придумать, а затем глаза уткнулись в латаные-перелатанные валенки. Следы! Я же могу по ним пойти и вернуться обратно! В этот момент луна, прятавшаяся за тучами, удачно выползла и осветила пространство вокруг меня. От облегчения я широко улыбнулась, поправила мешок с хворостом. Собралась уже развернуться в нужном направлении, но в чаще раздался громкий треск. Я невольно посмотрела туда, откуда шли звуки.

Разглядеть по-прежнему было ничего нельзя, но шум стоял страшный. Создалось ощущение, что через чащу напролом лезет огромный медведь, не разбирая пути. Бежать! Это единственная мысль, которая пришла в мою голову. Не оглядываясь. Не задаваясь вопросом, что позади. Ясно же — ничего хорошего. Только так у меня будет шанс спастись от дикого зверя. Я скинула под ближайшее дерево вязанку с хворостом, не думая, что со мной за это сделают. Главное — остаться живой. Остальное не имеет значения. Рванула в сторону, но, не пробежав и пары десятков метров, зацепилась за упавшее дерево и кубарем полетела в овраг, зачерпывая рукавами снег.

Все это случилось настолько быстро, что я даже не закричала. Только охнула, когда попыталась сесть. Разбитая коленка саднила. Шерстяной платок сбился, затянувшись узлом на горле, стало трудно дышать. Я непослушными руками его стянула. Так, что теперь? Надо перевязать колено.

Стоп. Там же в чаще дикий зверь, который вот-вот может меня настигнуть, и волноваться о ране уже не придется! Я нервно оглядела лес, стеной темнеющий вокруг меня. Как тихо.

И ни шороха. Ни звука. Все по-прежнему. Как будто только-только сюда пришла. Совсем странно. А где же тогда медведь? Он не настолько умен — сидеть и выжидать не будет. Или просто ушел, не заметив меня? Получается, я спаслась так нелепо просто потому, что зацепилась за ветку и упала в овраг? Я хихикнула. Видимо, нервы сдают. Но надо выбираться, пока не случилось новой напасти.

Я оторвала лоскут от нижней рубашки и крепко перебинтовала рану. Повязала платок, отряхнула снег с ветхого полушубка, осторожно поднялась, огляделась, прикидывая, где лучше всего забраться наверх. Поняв, что все равно придется карабкаться, утопая в снегу, решила идти проторенным путем.

Наверху я оказалась нескоро. Несколько раз застревала в снегу, с трудом сдерживая горькие слезы от боли и не менее горькие мысли о том, что будет, если я не справлюсь. Если бы не цеплялась за выступающие корни, крепкие и от того надежные, ни за что бы не смогла преодолеть этот подъем. Овраг оказался не только крутым, но и наполненным рыхлым снегом, в котором я увязла почти по пояс. Отдышалась и посмотрела по сторонам. Никаких следов дикого зверя. Значит, можно осторожненько попытаться добраться до хвороста и...

Тут до меня дошло. А что медведь делает в лесу зимой? Что? Ему спать в берлоге положено. Нет, случается, конечно, что дикого зверя потревожит кто-то из охотников, и медведь, злой и голодный, будет бродить по лесу. Но о подобных случаях сразу же становится в нашей деревне известно. И в чащобу никто не сунется до тех пор, пока зверя не убьют. Значит, о медведе-шатуне речи не идет. Да и староста деревни Фадей бы точно предупредил! Прошлой зимой, когда охотники разбудили медведя, он не поленился и каждый дом обошел.

Я села на поваленное дерево и потрясла головой. Получается, у страха глаза велики и мне все только привиделось? И шум, и треск, и...

Я решительно встала и пошла в сторону чащи. Если не пойму, что там произошло, и не увижу причину своего страха, он